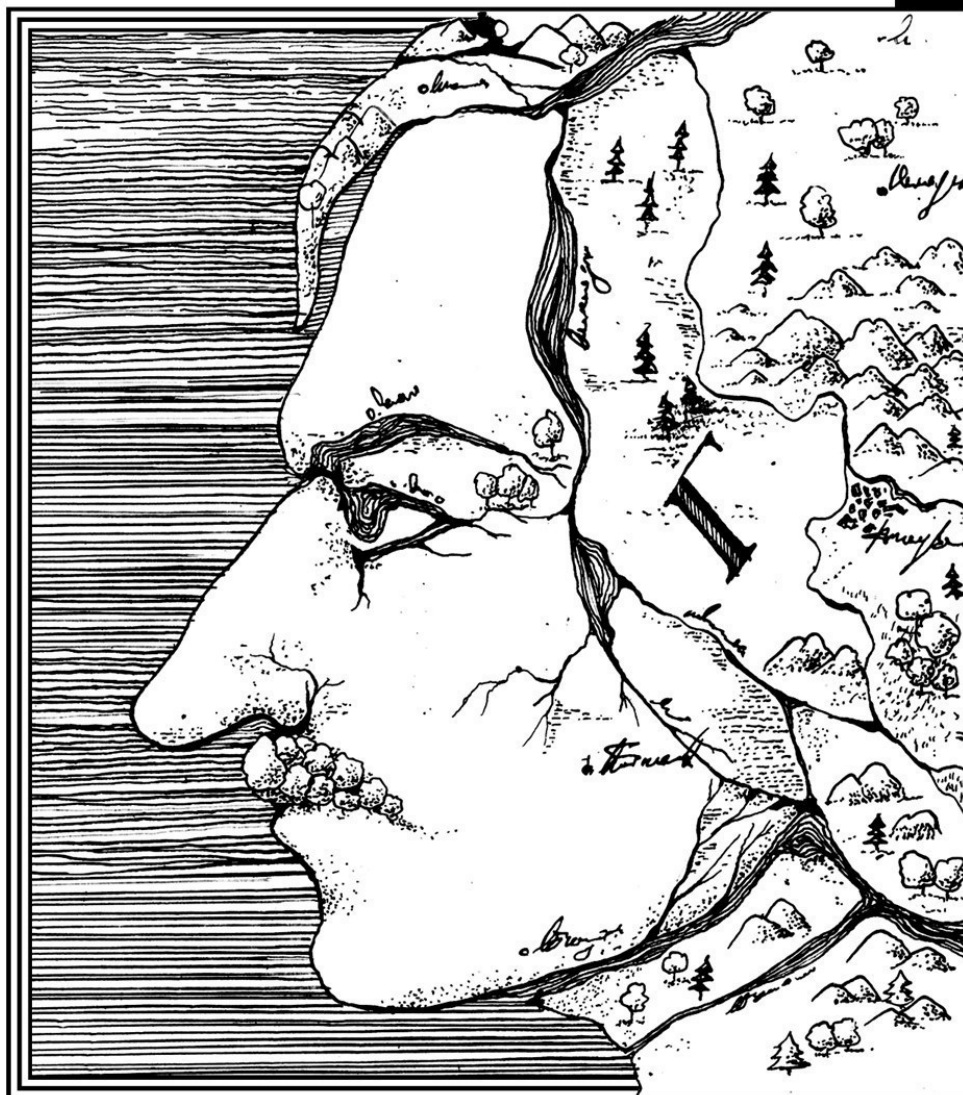

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Инга Видугирите

ГОГОЛЬ
И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ РОМАНТИЗМА

Монография

Научная библиотека

Инга Видугирите

**Гоголь и географическое
воображение романтизма**

«НЛО»

2019

УДК 821.161.1.09Гоголь Н.В
ББК 83.3(2-411.2)52-8Гоголь Н.В

Видугирите И.

Гоголь и географическое воображение романтизма /
И. Видугирите — «НЛО», 2019 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-4448-1319-5

В 1831 году состоялась первая публикация статьи Н. В. Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии». Поднятая в ней тема много значила для автора «Мертвых душ» – известно, что он задумывал написать целую книгу о географии России. Подробные географические описания, выдержанные в духе научных трудов первой половины XIX века, встречаются и в художественных произведениях Гоголя. Именно на годы жизни писателя пришлось зарождение географии как науки, причем она подпитывалась идеями немецкого романтизма, а ее методология строилась по образцам художественного пейзажа. Опираясь на понятие географического воображения, разработанного в интеллектуальной истории за последние несколько десятилетий, И. Видугирите впервые рассматривает интертекстуальные пересечения творчества Гоголя с географическим дискурсом его времени. Автор не только прослеживает связь между пространственными образами писателя и конкретными географическими и картографическими источниками, но и показывает, что Гоголь одним из первых в России сформулировал принципы, которые легли в основу современной географии.

УДК 821.161.1.09Гоголь Н.В
ББК 83.3(2-411.2)52-8Гоголь Н.В

ISBN 978-5-4448-1319-5

© Видугирите И., 2019

© НЛО, 2019

Содержание

От автора	6
Введение	9
Гоголь и география: история изучения	9
Полемика с существующими подходами	13
Теоретический контекст исследования: географическое воображение и географическая оптика	17
О материале исследования и структуре книги	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инга Видугирите

Гоголь и географическое воображение романтизма

Монография

Моей маме Рамуте Видугирене

От автора

Тема «Гоголь и география» – далеко не новая и достаточно подробно изученная с точки зрения текстологии и фактографии¹. Исследователями рассмотрены история публикации статьи Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии» в первом номере «Литературной газеты» за 1831 г. и сюжет о републикации статьи в переработанном виде под названием «Мысли о географии» в «Арабесках» (1835), в том числе и использование «географических мотивов» в исторических статьях той же книги. Кроме того, оговорена и новая волна увлечения Гоголя географией, когда параллельно продолжению «Мертвых душ» у него возник план написать книгу о географии России, для которой было предпринято конспектирование обширных географических и этнографических источников.

Однако мое исследование начиналось не с этого корпуса фактографии, а с одного географического фрагмента в тексте «Страшной мести» – описания Карпатских гор, которое было «географическим» в прямом смысле слова: принадлежало научному дискурсу географии, было почерпнуто из картографического источника – «Шести карт Европы с объяснением» («Sechs Karten von Europa mit Erklärendem Text», 1806; рус. пер. 1828) К. Риттера (1779–1859). Рассмотрение этого, как тогда казалось, странного и весьма любопытного факта интертекстуальности и поиск аналогичных ему явлений в других текстах Гоголя и в литературе в целом вывели меня к исследованию Ч. Танга «Географическое воображение современности: география, литература и философия в немецком романтизме» (2008)². Труд Танга раскрыл, что география в тот момент, когда к ней обратился Гоголь, в Германии переживала свое новое рождение в трудах А. фон Гумбольдта (1769–1859) и Риттера – отцов современной науки. Она развивалась на фоне немецкого романтизма и впитывала выдающиеся идеи своего времени. В основе этой романтической географии лежала философия И. Г. Гердера и Ф. В. Й. Шеллинга, а методология строилась по образцам художественного пейзажа. Такие художники, как И. В. Гёте, Новалис, Л. Тик, К. Д. Фридрих и другие, увлекались географией как наукой и переносили ее идеи в свое творчество. Таким предстал фон, на котором тема географии у Гоголя приобрела совсем другие объем и глубину, а созвучие поднятой писателем проблематики с темами немецкого романтизма позволило концептуализировать эту тему через предложенное Тангом понятие географического воображения.

¹ См. обобщающие комментарии к статье Гоголя «Мысли о географии» Л. В. Дерюгиной (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2009. Т. 3. С. 796–813; далее – ПССП*, с указанием номера тома и страницы в тексте) и В. Д. Денисова (*Гоголь Н. В. Арабески / Изд. подгот. В. Д. Денисов. СПб., 2009. С. 446–453 (сер. «Литературные памятники»)*). Комментарий Денисова основан на: *Киселев С. Н. Статья Н. В. Гоголя «Мысли о географии» (история создания и источники) // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сборник. Симферополь, 1996. Вып. 2 (59). С. 18–34.*

² *Tang Ch. The Geographic Imagination of Modernity: Geography, Literature, and Philosophy in German Romanticism. Stanford, 2008.*

В исследовании Танга понятие географического воображения призвано указать на географический (наряду с историческим) аспект духовной жизни европейского общества в эпоху романтизма, нашедший выражение в новом формате научной географии того времени. С другой стороны, в современной гуманитарной географии, в труде Д. Грегори «Географические воображения» (1993)³, понятие было введено во множественном числе и в контексте критики той новой парадигмы географии, которую рассматривал Танг с точки зрения интеллектуальной истории. Критика касалась археологии географического знания, его визуальных практик и методов исследования, которые применялись европейцами в интерпретациях новооткрытых в середине XVIII в. земель Океании и Австралии. Отклики этих интерпретаций экзотической природы и людей присутствуют и в творчестве Гоголя, как присутствует в нем и мощная тема географической зрелищности, которая связана с географией и выходит за ее пределы. Близкие мне феноменологические установки не позволяли уходить в критику творчества Гоголя в контексте постколониализма, однако я все время ощущала близость географической темы Гоголя к этому направлению исследований и не стремилась полностью от нее отмежеваться.

Названные два основных теоретических контекста – немецкий романтизм и археология визуальных аспектов географии – определяют объем понятия, вынесенного мною в заглавие книги. Географическое воображение – это не метафора, а термин, и поэтому не может быть заменен другим понятием, более естественно звучащим по-русски. Географическое воображение имеет прямое отношение к географии как научной дисциплине XIX в., в прямом смысле выстроенной на нем, и в эпоху романтизма может служить для нее синонимичным определением. В других областях – в философии, литературе, живописи – географическое воображение опознается как комплекс идей и образов, которые или предшествовали географии и оформляли ее содержание, как, например, в антропологии Гердера и натурфилософии Шеллинга, или были рождены уже влиянием географических работ, как случилось с творчеством Гоголя. Благодаря этому комплексу идей и образов мы можем говорить о географическом дискурсе романтизма. Следовательно, концептуализируя гоголевскую тему географии через понятие географического воображения, я хочу указать не столько на индивидуальное воображение Гоголя, сколько на его отношение к новой парадигме научной дисциплины и пространственного сознания европейцев, которая складывалась в пределах немецкого романтизма в конце XVIII – начале XIX столетия и легла в основу современной науки. Знаком этой новой парадигмы в российском романтическом дискурсе стала статья Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии», напечатанная в первом номере «Литературной газеты» за 1831 г.

В связи со сказанным я бы просила читателя моей книги отказаться от привычного представления о географии как науке, которая предлагает нам объективный подход к изучению мира. Все мы проходили географию в школе. То, как нас учили – как была составлена программа, разделен материал, какие картинки нам показывали, – во всем этом отразился тот формат географии, которую называют «современной». Но в школе нам не объясняли, как и когда вот эта современная география определилась. А она определялась на основе географического воображения, предполагавшего связь человека, его истории и культуры с окружающей природой. Как можно было доказать эту связь? Никак, ее можно было только вообразить. И на этом воображении в начале XIX в. в Германии и под влиянием немецкой географии на полвека позже в России выстроилась современная географическая наука. Танг показывает, какое большое влияние на географию оказали источники и области, иногда очень далекие от науки, как, например, поэзия Гёте или эстетика пейзажа. Я надеюсь, что рассмотрение интертекстуальных пересечений творчества Гоголя с географическим дискурсом его времени, которое предпринимается в этой книге, выявит новый участок в общей картине интеллектуальной и художе-

³ Gregory D. *Geographical Imaginations*. Cambridge; Oxford, 1994.

ственной жизни России в эпоху романтизма и прояснит археологию некоторых современных идей.

По сравнению с книгой «Географическое воображение. Гоголь»⁴ в этом издании значительно переработано теоретическое введение и появилось совсем новое заключение, в котором я пунктирно прослеживаю судьбу географического воображения в русской литературе после Гоголя. В связи с новым заключением в нынешнее издание не вошла часть исследования, посвященная картографическому анализу геобиографических аспектов творчества Гоголя. В силу формата «Научной серии» НЛО пришлось отказаться и от художественно-исследовательского эксперимента по «дословному» воспроизведению пейзажей Гоголя, который я провела совместно с профессиональным художником-графиком Г. Йонайтисом. Первое издание книги и само исследование финансировались Европейским социальным фондом в рамках проекта Вильнюсского университета «География литературы: территории текстов и карты воображения» (VPI-3.1-ŠMM-07-K-01-067), который администрировал Литовский совет по науке. Прошло четыре года после первого издания и первого восторга, но не прошло чувство благодарности людям, моральная и профессиональная поддержка которых мне помогала двигаться вперед. Долгое время моим вторым домом была Научная библиотека Вильнюсского университета, а ее работники – моей второй семьей. Другим уголком рая для меня стал Отдел славистики Финской национальной библиотеки, где меня опекала знаток русской коллекции Ирина Лукка. Ей я обязана за профессиональные советы, вхождение в мою тему и вдохновляющее сотрудничество. Огромное спасибо рецензентам книги Е. Е. Дмитриевой и В. Ш. Кривоносу, моим коллегам по университету и проектной деятельности Наталии Арлаускайте, Гедре Бецините, Лаймонасу Бриедису, Гедрюсу Йонайтису, Татьяне Кузовкиной, Витаутасу Михелкявичюсу, Таисии Орал, Юлии Снежко.

Нынешнее переработанное и дополненное издание не появилось бы без участия и заботы моих российских коллег и друзей Г. В. Ельцевской, О. Н. Купцовой, Г. А. Орловой, Т. И. Смоларовой и, светлой памяти, Е. М. Сморгуновой. И конечно же, я безмерно благодарна Ирине Дмитриевне Прохоровой за возможность достойно завершить свой гоголевский проект изданием книги в научной серии «Нового литературного обозрения».

Наконец, не будет преувеличением сказать, что меня всегда спасала любовь и дружба моей семьи – Юргиса, Моники и Саломеи, мастеров на шутки и веселое балагурство. В самых смелых жизненных решениях меня неизменно поддерживала мама. С благодарностью за уроки любви и тихой преданности посвящаю ей эту книгу.

⁴ *Видугирите И.* Географическое воображение. Гоголь. Вильнюс, 2015; пер. на англ.: *Vidugirytė I. Gogol and the Geographical Imagination of Romanticism.* Vilnius, 2018.

Введение

Гоголь и география: история изучения

История вопроса отправляется от публикации гоголевской статьи «Несколько мыслей о преподавании детям географии» в первом номере «Литературной газеты» за 1831 г., в 1834 г. переработанной для книги «Арабески» (1835), где появилась под заглавием «Мысли о географии». К концу 1830-го или началу 1831 г. относят и короткий фрагмент Гоголя «Отрывок детской книги по географии»⁵. Однако в гоголеведении тема географии возникла только в 1909 г., когда празднование столетия со дня рождения писателя побудило к новому пересмотру его наследия и к публикации ранее не печатавшихся материалов. Так, Г. П. Георгиевский опубликовал четыре тетради конспектов Гоголя из книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1773 годах» (СПб., 1773–1788; первая часть вышла вторым изданием в 1809 г.), представляющие собой не просто выписки из первоисточника, но композиционно и стилистически обработанный текст. Конспект сопровождался тетрадью с травниками, составленной Гоголем на основе книги Палласа, а также географическими и этнографическими заметками 1849–1850 гг. и тетрадью с конспектом книги Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834). Все эти материалы осмыслились в связи с намерением Гоголя написать географию России, которая была включена в план предполагавшегося пятого тома собрания сочинений в 1850 г. В плане были указаны три статьи из «Арабесок»: «Жизнь», «Мысли о географии» и «О преподавании всеобщей истории» (последняя с пометкой «переделанное»), а рядом с ними появился новый заголовок – «География России»⁶. По мнению Георгиевского, «в последние годы жизни Гоголя <...> интерес его к географии России возрастал по мере того, как он расширял задачу для своего творения («Мертвые души»)»⁷. Ю. В. Манн отмечает, что расширение горизонта географических познаний Гоголя о России соответствовало расширению пространства «Мертвых душ», в которых место действия сдвигалось «от губернии в Центральной России в первом томе – к „северовосточной“ или восточной России во втором томе и наконец к Сибирскому региону в томе третьем»⁸.

Вопрос о широте познаний Гоголя в географии был поставлен в том же 1909 г. Георгиевский отмечал: «...не подлежит сомнению, что ему (Гоголю. – И. В.) удалось собрать для себя все печатные труды по географии России»⁹. К тому же писатель собирал через своих корреспондентов географические и этнографические сведения о знакомых им местностях и предполагал сам путешествовать по России, особенно по местам ему мало известным¹⁰. Именно в отношении занятий Гоголя географией издатель его сочинений С. А. Венгеров сделал заключение о том, что «ни в какой другой области научных занятий не сказалась так ярко жилка кабинетного ученого», «та характеристичная черта всякого научного деятеля по призванию», которую можно назвать «бенедиктинством», понимая под ним «любовь или вернее страсть к научному труду как таковому, почти независимо от результатов»¹¹. Через 30 лет, в 1939 г.

⁵ См.: ПССП. 3, 982–983.

⁶ См.: ПССП. 3, 803.

⁷ См.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя: [Сб.]. СПб., 1909. Вып. 3: [Гоголевские тексты / Изд. Г. П. Георгиевским]. С. 206.

⁸ Манн Ю. Гоголь. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009. С. 249.

⁹ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 3. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 206–207.

¹¹ Венгеров С. А. Собр. соч.: [В 5 т.] СПб., 1913. Т. 2: Писатель-гражданин. Гоголь. С. 163.

географ проф. В. П. Семенов-Тянь-Шанский заявил, что «Гоголь своей чисто художественной интуицией взял высоты будущей географической науки, во многом „не снившиеся тогдашним мудрецам“»¹², подразумевая под «будущей» географию своего времени. Пожалуй, преувеличивая возможности художественной интуиции Гоголя, Семенов-Тянь-Шанский все же был прав в том, что достигнутые гоголевским «вещим взором» «идеологические выси географической науки» «во времена Гумбольдта и Риттера еще не были вполне ясны», география освоила их только к концу XIX в., «значительно позже „Космоса“», и Гоголь, следовательно, должен был сам разбираться в новой для него области¹³.

Основными географическими источниками Гоголя считают два труда К. Риттера: «Землеведение в связи с природой и с историей человека, или Всеобщая сравнительная география» («*Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine, vergleichende Geographie, als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physicalischen und historischen Wissenschaften*», 1817–1818), с которым писатель должен был познакомиться по-немецки, и «Шесть карт Европы» (1806), изданные по-русски в переводе М. П. Погодина под названием «Карты, представляющие: 1. Главные хребты гор в Европе <...> 6. Величину, народчислие, населенность и распространение народных племен по Европе. С объяснением»¹⁴. К обстоятельствам, значительно повлиявшим на решение Гоголя выступить с мыслями о преподавании географии, относят визит в Россию А. фон Гумбольдта в 1829 г.¹⁵ Среди авторитетов Гоголя в области географии видят и К. И. Арсеньева – автора многократно издававшегося учебника по всеобщей географии, который писатель конспектировал, когда работал учителем географии в Институте благородных девиц¹⁶. Последний факт вызывает недоумение, так как учебник Арсеньева никак не соответствует той концепции географии, которая излагается в статье Гоголя и от которой он не отказался до конца жизни (объяснение этого парадокса я предлагаю в первой части книги). В статье Гоголя также видят влияние наиболее значительного для романтической историографии и географии труда И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества», а также – созвучие с натурфилософией Ф. Шеллинга¹⁷. С другой стороны, отмечается параллельность геоисторической концепции Гоголя методологическим исканиям французской романтической школы историографии¹⁸ и обращение к «Введению во всеобщую историю для детей» А. Шлёцера¹⁹. В педагогических идеях Гоголя находят также следы системы И. Г. Песталоцци²⁰.

В исследованиях, посвященных интересу Гоголя к географии, наметились две тенденции: с одной стороны, соотнести статью «Мысли о географии» (речь обычно идет о второй редакции статьи, напечатанной в «Арабесках») с наиболее общими принципами мышления, мировоззрения и поэтики писателя, а с другой – проследить конкретные отголоски географического знания в его текстах. Первая более характерна для исследователей литературы, вторая – для географов. В пределах литературоведческих исследований отмечались такие особенности гео-

¹² Семенов-Тянь-Шанский В. П. Мысли Н. В. Гоголя о географии // Изв. Гос. географического общества. 1939. Т. 63. Вып. 6. С. 873.

¹³ Там же. С. 871.

¹⁴ См.: Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 40.

¹⁵ Киселев С. Н. Статья Н. В. Гоголя «Мысли о географии» (история создания и источники) // Вопросы русской литературы. Симферополь, 1996. Вып. 2 (59). С. 18–34.

¹⁶ См.: Виноградов И. А. Неизданный Гоголь. М., 2001. С. 16.

¹⁷ См.: ПССП. 3, 806–811; В. Д. Денисов полагает, что этот труд Гердера послужил основным источником статьи Гоголя, хотя текстуальных доказательств этой точки зрения не приводит, см. его комментарий: *Гоголь Н. В. Арабески* / Изд. подгот. В. Д. Денисов. СПб., 2009. С. 448.

¹⁸ См.: Машинский С. Художественный мир Гоголя. М., 1971. С. 149–161.

¹⁹ См.: Гоголь Н. В. Арабески. С. 448.

²⁰ См.: Там же. С. 450–451.

графической темы Гоголя, как тяга к наглядности, к картам и рисункам²¹, также – «восхищение делом рук Творца»²². Ю. В. Манн соотнес интерес Гоголя к географии с его стремлением к универсальности знаний, к «умонастроению» писателя, вытекавшему из «господствующего духа времени»: «Познать мир – значит ощутить его цельность и универсальность»²³. Особенно выделенной в концепции Манна явилась тема «подземной географии», где «подземное сродни ночному, скрытому, таинственному, подсознательному»²⁴, которое, однако, «Гоголь уже ощущает как самостоятельную и могущественную сферу бытия»²⁵. С. Фуссо, исходя из того, что основными источниками статей о географии и истории послужили «Идеи...» Гердера и «Введение во всеобщую историю...» Шлёцера, видит географию как составную часть в общей геоисторической концепции Гоголя²⁶. Примерно такой же точки зрения придерживается и М. Фрейзиер, которая отмечает размытость границ между географией и историей в «Арабесках», приводящую к тому, что «история, на самом деле, переходит в географию»²⁷. С другой стороны, понятие географии у Фрейзиер замещает понятие пространства, которое, отмечает она, может быть как внутренним пространством текста, так и внешним географическим пространством Российской империи. Находящееся между ними эстетическое пространство гоголевского *романтического жанра*, который явлен в «Арабесках», – основного предмета Фрейзиер – приобретает неограниченные возможности для развития²⁸. Комментарий к статье «Мысли о географии» в новейшем Полном собрании сочинений и писем писателя представляет географические интересы Гоголя в том же русле, как выражение его романтических aspirations²⁹.

Другой подход к географической теме Гоголя был осуществлен с точки зрения географии как научной дисциплины и области знания. Такой подход подразумевал отличие художественного и географического дискурсов, на основе которого фрагменты географической науки могли быть выявлены в тексте литературы. Впервые такой подход применил Семенов-Тян-Шанский, который отметил, что Гоголь, как впоследствии и А. П. Чехов, «необычайно живо и высокохудожественно» отразил в описании степи в «Тарасе Бульбе» и в образе пространства России в финале первого тома «Мертвых душ» «природу и быт обитателей великой Восточно-Европейской равнины», а также прекрасно «чувствовал» «другой географический пейзаж родины – могучие ее реки»³⁰. Тем не менее Семенов-Тян-Шанский считал, что главная заслуга Гоголя перед географией заключается в его географических идеях, нашедших выражение в статье «Мысли о географии» и опередивших свой век.

Более конкретное рассмотрение следов географии в художественной прозе Гоголя было продолжено географом С. Н. Киселевым, опубликовавшим источниковедческую работу о статье Гоголя³¹ и поместившим на сайте «Русской линии» материалы из своей книги «Гоголь и гео-

²¹ См.: Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл., сост. Л. Аллена. СПб., 1994. С. 52.

²² Это точка зрения комментаторов девятитомного собрания сочинений Гоголя В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. Цит. по: ПССП. 3, 806.

²³ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 208–209.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же. В исследовании А. Дуккон анализу с точки зрения «подземной географии» подвергаются повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки», однако параграф о «подземной географии» появился только во второй редакции статьи в 1834 г., когда «Вечера...» уже были опубликованы, см.: Дуккон А. «Подземная география» и хтонические мотивы в ранних повестях Н. В. Гоголя // Studia Slavica Hungarica. 2008. №/Vol. 53/2. Л. В. Дерюгина интерпретирует «подземную географию» в связи с «подземной архитектурой» в статье «Об архитектуре нынешнего времени», см.: ПССП. 3, 799.

²⁶ Fusso S. Designing Dead Souls. An Anatomy of Disorder in Gogol. Stanford, California, 1993. P. 5–19.

²⁷ Frazier M. Frames of the Imagination: Gogol's Arabesques and the Romantic Question of Genre. New York, 2000. P. 139.

²⁸ Ibid. P. 194.

²⁹ ПССП. 3, 798–800.

³⁰ Семенов-Тян-Шанский В. П. Мысли Н. В. Гоголя о географии. С. 869–870.

³¹ См.: Киселев С. Н. Статья Н. В. Гоголя «Мысли о географии».

графия»³². По сведениям, полученным от самого автора, исследование в законченном виде не было опубликовано. Тем не менее опыт Киселева в разработке вопроса о взаимодействии литературы и географии представляется нам полезным для собственного методологического самоопределения. Инструментом в раскрытии географических аспектов творчества Гоголя у Киселева стало понятие *географизма*, которое «подразумевает отражение географического знания в литературе на бытийном, научном и геософском уровнях в его пассивной и активной формах»³³. Бытийный уровень предполагает бытовое использование географического словаря, не зависящее от специального знания, в то время как научный и философский уровни – это «конкретные научные знания о топографии и хронологии, географических явлениях и процессах, взаимодействии природы и общества, экологические представления» и «наличие определенной системы восприятия географической действительности»³⁴. Метод Киселева характеризует установка на то, что «изучение географизма литературы отличается от исследования художественного пространства, литературного пейзажа и природоописаний». Последнее предполагает «выяснение изобразительных художественных средств писателя, определение его эстетических взглядов», а географизм направлен на вычленение «„экспорта“ географических знаний», который «велик, но не явен», и нуждается в совместных усилиях географов и литературоведов³⁵. В динамике гоголевского пейзажа в отношении географии Киселев намечает следующие моменты: 1) условный пейзаж в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен»; 2) мифопоэтический пейзаж с элементами «книжности» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»; 3) насыщенный географическими научными сведениями пейзаж степи в «Тарасе Бульбе»; и 4) геософские природоописания в «Мертвых душах», отражающие, согласно Киселеву, географический детерминизм «Идей...» Гердера, важных для Гоголя с первой публикации «Мыслей о географии»³⁶. Все выделенные Киселевым этапы в развитии гоголевского пейзажа нуждаются в серьезной коррекции, однако дискуссию о подходах к географии Гоголя я начну с концепции, объясняющей географическую тему Гоголя общим романтическим мировоззрением и мироощущением.

³² Киселев С. 1) Из книги «Н. В. Гоголь и география». Введение; см.: http://www.rusline.ru/analitika/2007/02/15/iz_knigi_n_v_gogol_i_geografiya_vvedenie/; 2) Географическо-педагогические взгляды молодого Н. В. Гоголя; см.: http://www.rusline.ru/analitika/2007/02/16/geograficheskopedagogicheskie_vzglyady_molodogo_n_v_gogolya/; 3) Географизм гоголевской прозы; см.: http://www.rusline.ru/analitika/2007/02/19/geografizm_gogolevskoj_prozy/ (дата обращения: 01.07.2019).

³³ Киселев С. Из книги «Н. В. Гоголь и география». Введение.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Киселев С. Географизм гоголевской прозы.

Полемика с существующими подходами

На самом деле, темы, которые Гоголь затрагивает в статье о географии, созвучны его романтической картине мира и историософской концепции в целом. Так, отмечалось, что в статьях «О преподавании всеобщей истории» и «Несколько мыслей о преподавании детям географии», на основе которой появилась историческая статья, при определении задач преподавания двух наук используются одни и те же формулировки. О плане преподавания географии говорится: «В первом классе должен быть наброшен весь эскиз мира; все части земного шара должны составить одно целое, одну прекрасную поэму, в которой выразилась идея Великого Творца»³⁷. Но те же цели выдвинуты и для истории: «...она должна собрать в одно целое все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму» (VIII, 26)³⁸. Комментатор отмечает, что это совпадение «само по себе не показательное, поскольку это любимая мысль Гоголя, многообразно укорененная в контексте эпохи»³⁹.

При таком подходе география Гоголя поглощается общими аспектами его художественного мира. Однако следует помнить, что сам Гоголь придавал географии самостоятельную ценность и отводил для нее автономную функцию. Он сохранил статью о географии в «Арабесках», хотя сначала вряд ли предполагал это делать. Более того, он перенес ее как одну из трех старых статей в готовившееся в 1851 – начале 1852 г. новое собрание сочинений. К тому же в последнее десятилетие своей жизни писатель весьма серьезно работал над ознакомлением с географией России и, согласно своей программе возрождения страны, считал, что приобретенное человеком в молодости знание о географии родной земли будет содействовать ее государственному и экономическому процветанию:

...чтобы вся земля от края до края со всей особенностью своих местностей, свойствами кряжей и грунтов врезалась бы как живая в память даже несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, заводить несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом, чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразьем особенностей, какими отличаются его ветви и племена. Чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой *местности*, и не требовал бы повсеместного выполнения того, что хорошо в одном угле и дурно в другом (XIV, 280–281).

Процитированный отрывок из неотправленного официального письма 1850 г. (адресатом должен был стать или гр. Л. А. Перовский, или кн. П. А. Ширинский-Шихматов, или гр. А. Ф. Орлов), в котором Гоголь мотивирует просьбу о финансовой поддержке, говорит в пользу

³⁷ [Гоголь Н. В.] Несколько мыслей о преподавании детям географии // Литературная газета. 1831. № 1. 1 янв. С. 4–7. Текст этой статьи Гоголя приводится полностью перед первой частью этой книги и в дальнейшем будет цитироваться с указанием номера параграфа после цитаты.

³⁸ Здесь и далее с указанием номера тома и страницы цитируем: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1937–1952.

³⁹ См.: ПССП. 3, 798.

того, что и в конце жизни писатель остался верен идеям романтической географии, в частности постулату о связи характера народа и его экономической деятельности с обитаемой им землей, который он излагал в статье «Мысли о географии» еще в 1835 г. Именно эта сохранявшаяся на протяжении всей жизни вера писателя в большое значение географического знания в развитии отдельной личности и всей страны побуждает пристально посмотреть на отношение его творчества к географии и к разговору о его географическом воображении, не сводя их к общим концепциям гоголевского наследия или романтизма в целом.

Ценность исследования темы в предложенных Киселевым терминах географизма (следы конкретных географических сведений или геофилософских представлений) заключается в первую очередь в выявлении обширного круга историко-географических источников начала XIX в. Сама же интерпретация последовательности и смены разных периодов географизма в творчестве Гоголя нуждается в основательной коррекции. Исследователь выстраивает периодизацию географизма на общепринятом представлении о развитии писателя по схеме «от Украины – к России» или «от романтизма – к реализму», которая, при более пристальном наблюдении, как раз и не находит опоры в контексте географических идей Гоголя. Киселев прав, утверждая, что геофилософская концепция Гердера была для Гоголя актуальной на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют ее следы во втором томе «Мертвых душ». Однако следует уточнить, что программное применение Гоголем идей Гердера к собственному творчеству относится ко времени создания «Вечеров...» и «Миргорода», т. е. к периоду наибольшего увлечения писателем историей Украины, и, как будет показано, они были усвоены им не по первоисточнику, а по трудам географического характера в московских журналах. Во втором томе «Мертвых душ» отзвуки гердеровской концепции следует трактовать как возвращение к принципам романтической историографии и географии в изображении современной России. Я намерена оспорить и киселевскую трактовку пейзажа в первых романтических повестях Гоголя, показав, что горный пейзаж в «Страшной мести», на первый взгляд «мифопоэтический», на самом деле основан на характеристике Карпатских гор в научном труде – «Картах...» Риттера – и создан почти сразу после публикации статьи «Несколько мыслей о преподавании детям географии», совпадая с ней в описании гор даже на уровне отдельных выражений. Этот факт не отменяет мифологического характера пейзажа, однако оспаривает толкование отношений между географией и литературой как внедрение отдельных элементов первой во вторую, вычленяемых «обратно» взглядом географа. Вразрез с периодизацией географизма Киселева идет и изобилующий географическими деталями пейзаж степи в «Тарасе Бульбе», который был создан Гоголем тогда, когда единственным географическим сочинением о южнороссийских степях было «Путешествие по разным провинциям Российской империи» Палласа, но как раз следов этого описания и нет в гоголевской степи. Сведения, почерпнутые у Палласа в процессе конспектирования его труда, как показано и Киселевым, находят применение во втором томе «Мертвых душ», однако здесь они привлечены для создания *пейзажа фантазии*, по классификации К. Кларка⁴⁰. Пейзаж фантазии по определению противоположен географизму как элементу географической реальности, так как рождается в воображении художника и призван выразить всеобщую гармонию мироздания, которую художник ему навязывает. Подобную тенденциозность пейзажа во втором томе «Мертвых душ» не скрывает даже созвучие описания с якобы реалистическим его «эскизом» в «Записной книжке» Гоголя, обнаруженное В. Т. Адамсом⁴¹. В последней главе книги будет показано, что географическому реализму здесь противостоит компиляция разнородных кусков реальности в одной картине, не говоря о том,

⁴⁰ Clark K. Landscape into Art. London, 1952. P. 36–53. Обращение к классификации живописного пейзажа у Кларка обусловлено ее универсальным применением в исследованиях пейзажа в искусствоведении, в культурной географии и в феноменологии пейзажа.

⁴¹ См.: Адамс В. Т. Природоописания у Н. В. Гоголя // Тр. по русской и славянской филологии V. Тарту, 1964. С. 127 (Учен. зап. Тартуского гос. унта; вып. 119).

что и увидена она по образцам живописи. Подобные несостыковки географических источников и художественных результатов их применения в прозе Гоголя заставляют искать другую логику использования писателем географических идей, чем логика внешнего развития творчества писателя. Вместе с тем представляется, что анализ с точки зрения географизма работает в направлении обособления литературы и географии и, выделяя географический элемент из эстетического целого, превращает его в самостоятельный объект исследования, что имеет свою ценность, однако не способствует углублению понимания внутренней связи между двумя областями – связи, которая для Гоголя была очевидной.

Последнее, что хотелось бы отметить в связи со сложившейся традицией изучения географических интересов Гоголя, – это то обстоятельство, что в ней не проблематизируется сама география как научная область, предполагается ее некая «объективность» и извечная «научность». Однако география переживала период большой неопределенности в России в тот момент, когда по вопросам ее преподавания выступил Гоголь. В Германии ситуация была совсем другая: к тому времени уже прошла смена парадигм внутри науки – был отброшен старый формат географии, когда она занималась классификацией и описанием отдельных явлений космоса, земли и людей, и утвердился современный подход, при котором земля и люди изучаются как взаимообусловленные элементы единой системы органической и неорганической природы⁴². Немного больше чем за десятилетие до выступления Гоголя в «Литературной газете» вышел труд Риттера «Землеведение в связи с природой и с историей человека, или Всеобщая сравнительная география» (1818), который, собственно, и положил начало современной теории географии. Новая география опиралась на геоантропологию Гердера и натурфилософию Шеллинга, а свою методологию вырабатывала на основе географических описаний Нового Света в работах Гумбольдта. Более подробно и в связи со статьей Гоголя речь о географии Риттера и Гумбольдта пойдет в первой части этой книги. Здесь же важно отметить, что в России имя и труд Риттера были известны немногим, и среди них до 1840-х гг. не было географов⁴³. Более того, в 1820-е гг. в России стали отменять преподавание географии в университетах, считая, что как наука она несостоятельна⁴⁴. Таким образом, ко времени публикации статьи Гоголя российская география и ее преподавание сохраняли старый, унаследованный от XVIII в. формат и вообще не представляли большого научного интереса. Положение стало меняться только с 1840-х гг.⁴⁵

На таком фоне проясняется значение выступления Гоголя. Он был первым, кто набросал основные идеи новой географии в их взаимосвязи, хотя в статье это можно было сделать только в предельно обобщенном виде. То, что он выступил по вопросам преподавания, также имеет непосредственное отношение к становлению новой парадигмы: именно в связи с обучением географии встали вопросы реорганизации ее области и методов в работах Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталотти и И. Г. Гердера⁴⁶. В своей статье Гоголь сформулировал идеи географического освоения мира, преобразования географического знания в целостную картину Земли, через которую открываются смысл, красота и тайны Творения, как в этом был уверен и Риттер. Писатель говорил о закономерностях исторической жизни людей в отношении обитаемого ими пространства и настаивал на включении в сферу географии предметов, которые вошли в нее только в XX в. в рамках культурной и гуманитарной географии, – таких как история самой дисциплины или архитектура городов. Статья звучала как манифест новой географии и

⁴² О смене парадигм географии в Германии см.: *Tang Ch. The Geographic Imagination of Modernity: Geography, Literature, and Philosophy in German Romanticism*. Stanford, 2008. P. 25–55.

⁴³ *Сухова Н. Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990. С. 84–85.

⁴⁴ Там же. С. 106–111.

⁴⁵ *Сухова Н. Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. С. 121–124.

⁴⁶ *Tang Ch. The Geographic Imagination of Modernity*. P. 39–46.

ее преподавания и одновременно – как манифест нового применения художественного слова, внедрения его в научный дискурс.

Новизны подхода Гоголя к географии современники не поняли и не оценили, а те, кто мог оценить, – промолчали: наиболее активный и последовательный популяризатор идей новой географии в России в первой половине XIX в. Н. А. Полевой не успел отрецензировать «Арабески» Гоголя – его журнал «Московский телеграф» уже был запрещен, в то время как Погдин, с которым Гоголь делился мыслями о планах географических и исторических сочинений, как можно предполагать⁴⁷, видел в эстетических аспектах геоисторического дискурса писателя профанацию науки, как, впрочем, и В. Г. Белинский⁴⁸. Эстетизация науки, свойственная всем статьям Гоголя, стала объектом насмешек в немногочисленных рецензиях на «Арабески»⁴⁹. Здесь же стоит предупредить и современные оценки статьи Гоголя как «художественной», в отношении знания географии «неглубокой» и т. п., тогда как на самом деле она отражала особенности дискурса романтической историографии и географии, который в начале XIX в. считался *научным*. Эстетизация науки отразила самую суть ее романтического периода и, в частности, суть всего этапа в становлении современной географии, которому статья Гоголя принадлежит. На эту особенность исторических статей Гоголя в их связи с французской школой романтической историографии уже указывалось⁵⁰, эту особенность следует подчеркнуть и в отношении географической статьи.

Оценить по достоинству воззрения и прозрения Гоголя можно только с точки зрения общеевропейского контекста географии начала XIX в.: на фоне «Космоса» Гумбольдта, который в начале 1830-х гг. еще не был издан, или на фоне «Землеведения» Риттера, которое на русском языке появилось только после смерти Гоголя⁵¹. В этой книге будет показано, что романтический натурфилософский пафос, свойственный мыслям Гоголя о географии, восходил не к общему духу романтической эпохи, а к географическим сочинениям Гумбольдта и Риттера, и через этих авторов связывался с самой передовой мыслью научной географии. Другая цель книги – показать, что научный жанр географического пейзажа, разработанный в сочинениях Гумбольдта, и картографические образы, доступные Гоголю в период создания «Вечеров...» и «Миргорода», участвовали в построении художественного пейзажа его украинских повестей, а потом были применены и в «Мертвых душах».

⁴⁷ О мнении Погодина свидетельствует письмо Гоголя от 14 декабря 1834 г.: «Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 353).

⁴⁸ Ср. у Белинского в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя („Арабески“ и „Миргород“): «Я очень рад, что заглавие и содержание моей статьи избавляет меня от неприятной обязанности разбирать ученые статьи г. Гоголя, помещенные в „Арабесках“. Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать некоторые места из истории Миллера, перемешать их с своими фразами, значит написать ученую статью?... Неужели детские мечтания об архитектуре ученость?... Неужели сравнение Шлëцера, Миллера и Гердера, ни в каком случае не идущих в сравнение, тоже ученость?... Если подобные этюды – ученость, то избавь нас бог от такой учености!» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 307).

⁴⁹ В «Библиотеке для чтения» (1835, т. 9, кн. 3, март, отдел 6: «Литературная летопись», с. 8–14) и в «Северной пчеле» (1835, № 73, 1 апр., с. 289–292). Предполагают, что рецензии принадлежали редакторам этих изданий – О. И. Сенковскому и Ф. В. Булгарину, см. комментарий: ПССП. 3, 474.

⁵⁰ Машинский С. Художественный мир Гоголя. М., 1971. С. 152–161; Казарин В. П. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986. С. 20.

⁵¹ Например, В. Е. Романовский писал, что Гоголь «жил в то время, когда „Космос“ Гумбольдта был настольной книгой для каждого образованного человека и когда знаменитый Карл Риттер своими трудами положил начало современной науке сравнительного землеведения» (Романовский В. Взгляд Гоголя на историю и географию // Педагогический сборник. 1909. № 9: Сентябрь. С. 222). Однако Гоголь написал статью, отражающую основные идеи Гумбольдта и Риттера, до того, как Гумбольдт опубликовал «Космос», и раньше, чем идеи Риттера получили признание даже в среде географов.

Теоретический контекст исследования: географическое воображение и географическая оптика

На сегодняшний день словосочетание «географическое воображение» весьма распространено в исследованиях культуры, где применяется в достаточно широком спектре значения – от определения географии до индивидуального мышления о пространстве. Понятие было введено представителем гуманитарной географии Д. Харви в его книге «Социальная справедливость и город» (1973) и предполагало разные аспекты рефлексии пространства и существующих в нем человеческих отношений на уровне индивидуального сознания. Как научный термин географическое воображение оформлялось по аналогии и по контрасту с *социальным воображением* и как синоним *географическому сознанию*⁵². Однако 20 лет спустя в большом труде Д. Грегори «Географические воображения» (1993) понятие было заново концептуализировано как выраженное в терминах пространства социальное и историческое *знание*, отраженное в разнообразии географического дискурса. Начало этого дискурса было отнесено к появлению современной парадигмы географии в конце XVIII – начале XIX в., которая представляла исключительно европейскую науку⁵³. Множественное число в названии книги Грегори оспаривало доминирование в географии европейского взгляда на мир и указывало на вариативность географического воображения, проявляющуюся как на научном, социальном, политическом, так и на художественном, коммерческом, бытовом уровнях.

В исследовании археологии современного географического воображения Грегори особое внимание уделил связям географии с визуальностью, восходящей к визуальным методам географического анализа, в которых взгляду-зрению-наблюдению отводится основополагающая роль. Согласно Грегори, становление новой парадигмы географии в Европе связано с *географическим путешествием* и начинается с открытия Океании и Австралии командой капитана Дж. Кука в середине XVIII в. Это были последние неизвестные европейцам территории мира, ставшие для них своеобразными лабораториями, в которых они наблюдали не только природу, но и незнакомого им человека, и на основе этих наблюдений выстроили концепцию человеческой истории. История воспринималась с точки зрения европейского развития, которое, как тогда понимали, далеко ушло от примитивной дикой жизни туземцев. В анализе описаний путешествий Кука, предпринятых И. Р. Форстером и Дж. Бэнксом, Грегори акцентирует первые проявления в географии того общего для Нового времени сдвига, который был описан М. Хайдеггером как сдвиг от мира к *картине мира*. Картина мира, согласно Хайдеггеру, выражает представление о мире как поверхности, наблюдаемой с позиции всезнающего человека-субъекта как «сущего, на котором основывается все сущее по способу своего бытия и своей истины»⁵⁴. Грегори, так же как и Т. Митчелл⁵⁵, идеи которого его вдохновили, этот поворот осмысляет критически: в ходе освоения и осмысления новых территорий мира как данных взгляду *путешественника* образов пространства и людей, вне глубины и вне сложности разнообразных их связей, формировалось европейское географическое воображение, которое, воплощаясь в картах, пейзажах и описаниях, участвовало в процессе превращения

⁵² Harvey D. Social Justice and the City. Athens, Georgia, 2009. P. 22–37.

⁵³ В таком подходе он опирался на: Stoddart D. Geography – a European science // Stoddart D. On Geography and its History. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. P. 28–40.

⁵⁴ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. и сост. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 146–149.

⁵⁵ Грегори опирается на две работы Тимоти Митчелла: Mitchell T. 1) The world as exhibition // Comparative Studies in Society and History. 1989. Vol. 31. P. 217–236; 2) Colonizing Egypt. Cambridge, 1988.

мира в «выставку» (*world-as-exhibition*), смысл которой – удивлять зрелищностью и поощрять к интерпретации зрительных образов⁵⁶.

Способы и объем научной, философской и художественной интерпретации материала, собранного во время географических путешествий, были раскрыты в фундаментальном исследовании Ч. Танга «Географическое воображение современности: география, литература и философия в немецком романтизме» (2008). Танг пришел к проблематике географии из другой области – интеллектуальной истории современности, изучая в первую очередь развитие философии, науки, а также связанные с ними явления художественной жизни в эпоху романтизма. Однако факт, что для оформления своей концепции он избрал понятие, уже существовавшее в географии, конечно, не был случайным. Тем более что его исследование непосредственно касается того же начального периода в истории современной географии, о котором писал Грегори, расширяя подход последнего анализом философских и научных источников, которые в эпоху романтизма причудливо смешались с импульсами, шедшими из литературы, искусства и педагогики.

Танг сосредоточил внимание на следующем после Кука и Форстеров поколении ученых – на деятельности Гумбольдта и Риттера. Оба они считаются основоположниками теории и методологии науки, поэтому их значение в географии сравнивают со значением И. Ньютона в физике⁵⁷. Гумбольдт продолжил традицию своего учителя Г. Форстера и стал исследователем-путешественником, прославившимся научной экспедицией в Южную Америку и многочисленными географическими трудами, основанными на собранном там материале, которые венчало его универсальное описание Земли «Космос» (1845–1862). Риттер, который как путешественник был намного скромнее Гумбольдта, ограничиваясь в этом пределами Европы, был тем, кто собрал и обобщил на теоретическом уровне географические открытия и исследования и создал принципы и методы географического анализа земной поверхности, действительные по сей день⁵⁸. Однако, как показано в исследовании Танга, все достижения географии на рубеже XVIII–XIX вв. были совершены благодаря ее тесной связи с философией и литературой немецкого романтизма. Именно в рамках взаимодействия науки, литературы и философии были созданы понятия, с помощью которых европейское общество приобрело возможность самоопределения и саморепрезентации в отношении пространства. Комплекс этих понятий и лег в основу специфического пространственного мышления, которое Танг определяет как *географическое воображение*.

Географическое воображение характеризуется тремя основными аспектами: 1) географической субъективностью – осознанием своей укорененности в земле и связи с ней; 2) пониманием конкретной культуры как рожденной и определенной географической реальностью, а также 3) пониманием географической обусловленности истории. Поэтому географическое воображение можно представить, с одной стороны, как систему знания о разных географических регионах мира в отношении к обитающим там людям, а в случае европейцев – и как комплекс представлений о собственной связи с землей, приведших в окончательном итоге к возникновению идеи национального государства. С другой стороны, географическое воображение осуществляет сам принцип мышления о Земле, который предполагает неизменное соотношение человека, его культуры и истории с обитаемым им географическим пространством. В таком виде географическое воображение может быть раскрыто в научном дискурсе, философии и художественной практике, что было сделано в исследовании Танга на примере культуры немецкого романтизма.

⁵⁶ Gregory D. *Geographical Imaginations*. Cambridge; Oxford, 1994. P. 15–209.

⁵⁷ См.: Tang Ch. *The Geographic Imagination of Modernity*. P. 25.

⁵⁸ См.: Сухова Н. Г. Карл Риттер и географическая наука в России. С. 33–70.

Выделенная Грегори визуальная проблематика географии в исследовании Танга раскрывается в связи с историей становления *географического пейзажа/ландшафта*⁵⁹ – понятия, определившегося в начале XIX в. в трудах Гумбольдта, посвященных описанию Южной и Центральной Америки, и предназначенного для описания одного или другого региона как внутренне взаимосвязанной системы живой и неживой природы и человека. Пейзаж до сих пор является основной единицей географического анализа земной поверхности, сохраняющей связь со своими истоками в географии Гумбольдта, который строил описание Нового Света как описание череды картин/видов – пейзажей, предстающих перед глазами географа-путешественника, рассказывающего о своих личных впечатлениях и опыте. Эти описания составили его книгу «Картины природы» («*Ansichten der Natur*», 1808), которая уже на уровне названия раскрывала ориентацию Гумбольдта на живопись, прямо названную автором во вступительном слове. Согласно Тангу, структура и толкование географического пейзажа у Гумбольдта опирались на эстетический труд К. Л. Фернова «О пейзажной живописи» (1803), заимствуя у последнего основные структурные принципы пейзажа как живописного жанра – его «холлистский, тотальный» характер и обязательное наличие субъекта, взгляд которого конституирует пейзаж и его символическое значение⁶⁰. Эстетика пейзажа предполагала, что существует два возможных пути для бездушной природы стать символом человеческой души – через репрезентацию его чувств или через репрезентацию идей. Первая следовала законам музыки и порождала пейзаж настроения, вторая – выражала понятия (например, гармония форм, тонов, света служила выражением гармонии души), создавая аллегорический смысл пейзажа⁶¹.

Приверженность Гумбольдта к теории и практике пейзажа существенно повлияла на его географическое творчество. Согласно Тангу, спаяв географию с эстетикой пейзажа, Гумбольдт протянул мост между природой и моральной сферой человека и тем самым предложил уникальную концепцию географического субъекта: полученная через опыт пейзажа эстетическая субъективность переходила в географическую, которая определялась природой и выражалась через отношение/чувство к ней⁶². Таким образом, перенимая у художественного пейзажа его структуру, география, дотоле существовавшая в виде классификаций явлений природы, стала одной из областей проявления эстетической субъективности, приближаясь в этом к литературе и живописи, у которых брала пример. Тем не менее не следует считать, что творчество Гумбольдта перестало быть научным или что оно превратилось в эклектическое сочетание эмпирических сведений и поэтических восторгов. Эстетический подход к пейзажу в его концепции географии систематически соотносился с получением и обработкой научных данных, что позволяет рассматривать ее с обеих сторон – как научную, так и художественную. По мнению Танга, именно этот процесс преобразования географии определил ее научный прорыв в начале XIX в.⁶³

Оформление новой парадигмы географии и процесс освоения пейзажа как аналитического концепта географического исследования совпадает по времени с радикальным сдвигом в человеческом восприятии (который М. Б. Ямпольский определил как «превращение субъекта в наблюдателя»), явившимся главным следствием кризиса субъективности:

Субъект все в меньшей степени понимается как «человек мыслящий» и в большей степени как «человек наблюдающий». <...> В XIX веке, однако, теоретическая рефлексия постепенно заменяется «синтезом», связанным с

⁵⁹ Разница между понятиями пейзажа и ландшафта существует не во всех традициях и языках. Поскольку для этого исследования важна именно близость географического пейзажа к пейзажу в живописи, я буду придерживаться этого понятия.

⁶⁰ *Tang Ch. The Geographic Imagination of Modernity*. P. 80.

⁶¹ *Ibid.* P. 79.

⁶² *Ibid.* P. 90.

⁶³ *Ibid.* P. 86.

узнаванием, памятью, расшифровкой и т. д., то есть операциями, весьма далекими от картезианской геометрии или теории перспективы⁶⁴.

Превращение субъекта в наблюдателя сопровождалось сдвигами в практиках зрения и в структуре видения, ставшими в последнее время объектом пристального внимания в визуальных исследованиях культуры. По мнению Дж. Крэри, стабильная до 1830-х гг. фигура наблюдателя, для которого внешнее и внутреннее было четко разделено и гарантировало истину «реального мира», стала перестраиваться таким образом, что зрение приобрело независимость в отношении других человеческих чувств и внешних критериев истины и стало областью проявления субъективности⁶⁵. Окончательное освобождение видения от требований истины и устойчивого идентитета проявилось в визионерских пейзажах У. Тёрнера уже в 1840-х гг., намного раньше модернистской живописи, которая, как принято считать, утвердила субъективное видение как исток нового искусства⁶⁶.

В контексте истории наблюдателя география – с ее визуальными практиками исследования и распространения знания – предстает как область заинтересованного научного взгляда и соответствующих техник, нашедших выражение в географических картах и пейзажах. Именно в таком аспекте она осмыслена в работах географа Д. Косгроува, соотнесшего познание мира и его репрезентации в географии с живописью Возрождения⁶⁷. Когда Грегори в «Географических воображениях» начал деконструкцию географического дискурса Нового времени как дискурса, основанного на визуальных практиках и интерпретациях видимости, он продолжил тему Косгроува, считавшего, что техники наблюдения и репрезентации, выработанные в ренессансной живописи, были перенесены в область географии, как раз в это же время интенсивно осваивавшей Новый Свет. В своем труде Грегори соотнес проблематику Косгроува с визуальными исследованиями Крэри и тем самым вписал субъекта географии в историю наблюдателя⁶⁸.

В исследовании техник наблюдателя у Крэри взгляд географа не выделяется как специфический, однако именно он является предметом анализа двух картин Я. Вермеера – «Астроном» (1668) и «Географ» (ок. 1668–1669). Для проекта о смене наблюдателя в XIX в., который осуществляет Крэри, в этих картинах важно подчеркнуть веру двух ученых мужей XVII в. в возможность правдивой репрезентации в виде визуального образа: «...внешний мир познается не через непосредственное чувственное изучение, а через ментальный обзор его „ясной и отчетливой“ репрезентации» – проекции на двухмерной поверхности географической карты и астрономического чертежа, соотносимых автором с *camera obscura*⁶⁹. В контексте истории живописи Крэри отмечает вытеснение подобного наблюдателя иным, взгляд которого был определен новыми техниками XIX в. Однако в географии, вплоть до самого недавнего времени, взгляд и подход к миру у вермееровских Географа и Астронома сохраняли значимость научного инструмента и знания, как и не подвергалась сомнению их уверенность в правдивости картографического образа⁷⁰.

Другой случай географической оптики у Крэри, которую можно соотнести с наблюдением, свойственным географии, – картоподобное «Изображение Венеции» Я. де Барбари

⁶⁴ Ямтольский М. Наблюдатель: Очерки истории видения. М., 2000. С. 8.

⁶⁵ Crary J. *Techniques of the Observer: on Vision and Modernity in the Nineteenth Century*. Cambridge, Mass.; London, 1992. P. 1–24.

⁶⁶ Ibid. P. 137–150.

⁶⁷ См.: Cosgrove D. 1) *Social Formation and Symbolic Landscape*. Wisconsin, 1998; 2) *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. London; New York, 2008.

⁶⁸ Gregory D. *Geographical Imaginations*. P. 34–37.

⁶⁹ Crary J. *Techniques of the Observer*. P. 43–46.

⁷⁰ Критику картографического дискурса, например, см.: Harley J. B. *Maps, knowledge, and power // The Iconography of Landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of past environments*. Cambridge, 1988. P. 277–312; Wood D. *The Power of Maps*. New York, 1992.

(1500), послужившее ему примером в описании различия между двумя взглядами на город. Различие определяется через понятия *ихнографии* (геометрической проекции, представляющей план любого здания, увиденного как бы с высоты птичьего полета) и *сценографии* (пластического образа пространства сцены, наблюдаемого со стороны), введенные Г. В. Лейбницем для обозначения разных способов, каким тело является для Бога и для человека. Венеция Барбари предполагает свойственный Богу ихнографический взгляд и по его образцу строит своего наблюдателя⁷¹. Крэри противопоставляет ихнографический взгляд взгляду монадического наблюдателя, каким, например, является художник, рисующий отдельные сцены внутреннего пространства города (примером Крэри служат городские пейзажи Каналетто). Сцена может представить только одну из множества перспектив города, общий вид которого может быть дан только с высоты птичьего полета⁷².

Когда Гумбольдт в своих географических сочинениях стал сегментировать и описывать земное пространство как «картины/виды природы», он постоянно играл сменой перспектив: от сценографического наблюдения пейзажей переходил к ихнографическому взгляду, изначально присущему картографии. Именно карта (реальная или ментальная) позволяла ему проводить сравнительный географический анализ разных частей света и делать обобщения на уровне всего земного шара, а также быть уверенным, что читатель его поймет. Гоголь – уже в области художественной литературы – наследовал техникам географического описания у Гумбольдта, которые применил в статьях по истории в «Арабесках» и в повести «Тарас Бульба». Поэтому я вернусь к более подробному описанию географического взгляда в последующих главах. Здесь же мне хотелось показать, что географический наблюдатель – в своих основных позициях картографа и субъекта описания географического пейзажа – оказался причастным к общей истории наблюдателя XIX в., а это, в свою очередь, означает изначальную причастность географического дискурса к бурному периоду становления современной визуальной цивилизации с ее многообразными способами видеть, репрезентировать, понимать и толковать мир. Причастным к ней оказался и географический дискурс Гоголя.

В этом исследовании я намерена показать, что географическая тема Гоголя резонирует с указанными теоретическими контекстами географии: она 1) отражает момент смены старой и новой парадигм; 2) развивает гердеровское представление об истории и культуре как результате взаимоотношений людей с окружающей их природой, т. е. является причастной к европейскому географическому воображению современности; и 3) подчеркивает зрелищную основу науки, работающей с географической видимостью мира. Гоголевская статья «Несколько мыслей о преподавании детям географии» могла бы служить наглядной иллюстрацией построенного на зрительных практиках географического дискурса, который подвергается критике, например, в трудах классика постколониальных исследований Э. Саида, автора понятия *воображаемые географии*⁷³, в уже указанных работах Косгроува и Грегори или в разработке понятия имперского пейзажа в исследованиях У. Дж. Т. Митчелла⁷⁴. В статье Гоголь создает типичные ориенталистские образы людей, обитающих в Азии и Африке, рисует впечатляющие картины их невежества на фоне соответствующей дикой природы и с наивным достоинством европейца своего времени говорит о «зрелости» и «мужестве» Европы. Тем не менее он не изобретает эти образы, а берет их из современных географических источников. Наглядный ориентализм является только частью большой темы писателя – темы зрения, которая универсальна для географической статьи и «Арабесок» в целом⁷⁵, и именно она находит

⁷¹ Crary J. Techniques of the Observer. P. 51–52.

⁷² Ibid. P. 52–53.

⁷³ Said E. W. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. London, 1995. P. 57 и след.

⁷⁴ Mitchell W. J. T. Imperial Landscape // Landscape and Power. Chicago; London, 2002. P. 5–34.

⁷⁵ См. об этом: Fusso S. The Landscape of Arabesques // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word / Ed. by S. Fusso, P. Meyer. Evanston, Ill., 1994. P. 112–115. О связи разных типов взгляда с эстетикой Гоголя также см.: Maguire R. A. Exploring

созвучие с обширной проблематикой *мира как видимости* в культурной географии конца XX – начала XXI в.⁷⁶

Другой аспект проблематики географического воображения в творчестве Гоголя раскрывается в связи с его *географической оптикой*. Приступая к анализу европейской традиции пейзажа в аспекте заключенного в нем знания и власти, Костроув писал: «Мы признаем географическую реальность, потому что можем ее видеть. *Смотреть* означает что-нибудь видеть и интеллектуально понимать одновременно. Способ, каким люди видят мир, неразрывно связан с тем, как они понимают мир и относятся к нему. Между 1400 и 1900 гг. европейцы значительно изменили свои способы смотреть. Один индикатор их видения есть идея пейзажа»⁷⁷. Именно в такой связи мотив зрения оформляется в географическом дискурсе Гоголя, где зрение является способом понимать мир, а визуальные образы – его репрезентировать. В статье «Мысли о географии» он писал: «Величину земель, государств, никогда нельзя заучивать исчислением квадратных миль. Нужно только смотреть на карту – вот одно средство узнать ее» (VIII, 104). Я намерена показать, что в оформлении обширной гоголевской темы зрения географические источники сыграли свою немаловажную роль и что как раз в контексте зрения и зрительных образов география у Гоголя приобрела свою независимую ценность в отношении истории – главного предмета романтической мысли о человеке. Более того, унаследованная от географического дискурса оптика Гоголя определила жанр пейзажа в его художественной прозе. В этом смысле гоголевский пейзаж закольцевал взаимообращение идей между областью эстетики и географии: из первой – в трудах Гумбольдта – идея пейзажа попала в географию, из которой – в пейзаже Гоголя – она вернулась в эстетику.

Само понятие географической оптики выбрано с оглядкой на *оптику истории* (и по аналогии с ней), в рамках которой в исследовании Т. И. Смоляровой «Зримая лирика. Державин» (2011) анализируются изменения в историческом и художественном повествовании на рубеже XVIII–XIX вв. Характерное для эпохи ощущение изменчивости, нестабильности, иллюзорности мира находило выражение в языке театра: в труде Э. Берка «Размышления о революции во Франции» (1790) театрализованной стала недавняя история, в то время как в поздней лирике Г. Р. Державина через театральную метафорику осмыслялась личная жизнь и судьба⁷⁸. Театральная оптика истории и личной экзистенции, как показывает Смолярова, одновременно оказалась путем, которым в державинскую поэзию с ее архаическим «русским стилем» пришли «принципиально новые метафоры и сравнения, выражавшие европейское мироощущение первых лет XIX века»⁷⁹. Я делаю предположение, что в случае Гоголя способом создания новых образов пространства в его прозе явилась, в частности, географическая оптика, определенная научными источниками его времени. Если оптика истории предполагала взгляд на исторические события и события личной судьбы как на театрализованное действо, то оптика географии – взгляд на мир в ракурсе географического воображения, которое строило и объясняло мир как великий организм, включающий людей и их природную среду и получивший выражение в тотальных картинах природы.

В полемике с существующими интерпретациями темы географии и ее следов в художественных текстах Гоголя я указывала, что один из подходов к этой проблематике слишком обобщал ее, возводя к мировоззрению писателя и к духу эпохи, а другой – слишком сужал, низ-

Gogol. Stanford, California, 1994. P. 97–178; *Stilman L.* The «All-Seeing Eye» in Gogol // *Gogol From the Twentieth Century* / Ed. by R. A. Maguire. Princeton, 1995. P. 376–389; *Фаустов А. А.* О гоголевском зрении: между «Арабесками» и вторым томом «Мертвых душ» // *Филологические записки*. Воронеж, 1996. Вып. 7. С. 45–63; 1997. Вып. 8. С. 104–119; *Джулиани Р.* Жанровые особенности «Рима» // *Гоголь и Италия* / Сост. М. Вайскопф, Р. Джулиани, М., 2004. С. 11–37.

⁷⁶ К указанным сочинениям Д. Грегори и Д. Костроува можно добавить: *Cosgrove D.* Geographic imagination and the authority of images. Hettner-Lecture 2005. Stuttgart, 2006.

⁷⁷ *Cosgrove D.* Social Formation and Symbolic Landscape. P. 8–9.

⁷⁸ *Смолярова Т.* Зримая лирика. Державин. М., 2011. С. 47–159.

⁷⁹ Там же. С. 20.

водя до конкретного факта географизма. Предлагаемое мною понятие географической оптики представляет срединный между названными подходами путь, который, с одной стороны, учитывает конкретные географические источники и их следы в конкретных текстах, а с другой – соотносит всю эту конкретику с той системой научной географии и ее картиной мира, которая складывалась в начале XIX в. и для определения которой было найдено понятие географического воображения.

Проблематика географической оптики пересекается со многими аспектами изучения Гоголя – с уже упомянутой темой взгляда и зрения⁸⁰, с причудливыми перспективами гоголевского описания, определенными Андреем Белым в отношении каждой из фаз творческого наследия писателя⁸¹, с вопросами структуры художественного пространства, которые были определены в фундаментальной по этой теме работе Ю. М. Лотмана и подробно исследованы Р. А. Магуайром⁸², с проблемой гоголевского барокко в историческом и типологическом срезах⁸³, с разноаспектным вопросом о «живописности» и экфрастичности гоголевского письма⁸⁴, исчерпывающе представленном в сравнительно недавнем исследовании Е. Е. Дмитриевой⁸⁵, и с гоголевской «иронией стиля», неожиданно сближающей далекие понятия и явления, которую раскрыл М. Н. Эпштейн⁸⁶.

Тем не менее исследование географической оптики предполагает свой отдельный подход: вычленив географическую оптику как специфический способ наблюдения в общем потоке зрительных образов у Гоголя можно только на основе интертекстуальных пересечений с доступными писателю географическими и картографическими источниками. Те же источники позволяют определить объем географического материала, который Гоголь освоил и привлекал в создании художественного образа – литературного пейзажа. Через географические и картографические источники пейзаж Гоголя соотносится с географическим знанием. Таким образом, география и создаваемое ею представление о Земле оказались вовлеченными в процесс построения художественного пространства и стали смыслопорождающими элементами литературного текста. Этот внутренний сюжет гоголевской прозы – основной предмет предлагаемого исследования.

⁸⁰ См. литературу в примеч. 3 на с. 35–36.

⁸¹ *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

⁸² *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988; *Maguire R. A.* Exploring Gogol.

⁸³ См. работы о барокко в творчестве Гоголя, которые пересекаются с темой географии: *Смирнова Е. А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987. С. 61–78; *Терц А.* В тени Гоголя // Терц А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 208–216; *Дмитриева Е.* Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011. С. 52–81; *Шведова С. О.* Театральная поэтика барокко в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 41–54; *Михед П.* Крізь призму бароко. Киев, 2002; *Барабаш Ю.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995; *Shapiro G.* Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage. Pennsylvania, 1993; *Ямпольский М.* Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 276–322; *Видугирите И.* «Складка» пейзажа: к проблеме барокко в творчестве Н. В. Гоголя // *Literatūra*. 2008. № 50 (2). С. 18–29.

⁸⁴ *Франк С.* Заражение страстями или текстовая «наглядность»: *pathos* и *ekphrasis* у Гоголя // Экфрасис в русской литературе: Тр. Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М., 2002. С. 31–41; *Гольденберг А. Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 142–157.

⁸⁵ *Дмитриева Е.* Гоголь в западноевропейском контексте. С. 121–174.

⁸⁶ *Эпштейн М.* Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 129–147.

О материале исследования и структуре книги

В общих чертах в книге предпринимаются дальнейшие шаги в исследовании и интерпретации географических источников Гоголя, сопоставление их с историческим контекстом географии и концептуализация географического пейзажа как результата географической оптики писателя. В первой части восстанавливается концепция географии Гоголя на фоне эпохи, во второй описывается связанная с этой концепцией и географическими источниками драматургия взгляда в его пейзажах.

Центральное место в текстологическом и контекстуальном анализе занимает статья Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии», напечатанная в первом номере «Литературной газеты» за 1831 г. Это была первая публикация писателя под собственным именем⁸⁷, которая послужила в качестве рекомендации, когда П. А. Плетнев представлял Гоголя А. С. Пушкину как «молодого писателя, который обещает что-то очень хорошее»⁸⁸. Географическая тема писателя в статье предстает «в чистом виде» – здесь он еще не решает вопрос о границе между географией и историей, как будет это делать в «Арабесках», и всю обширную область, изучающую Землю и людей, называет географией. Тем не менее первая редакция статьи никогда не удостоивалась специального внимания как самостоятельный текст: к ней обращались только ретроспективно – как к первому варианту вошедшей в «Арабески» статьи «Мысли о географии». Я предпринимаю обратный ход: рассматриваю ее как основной источник для археологии географических идей Гоголя.

Непричастность статьи «Несколько мыслей о преподавании детям географии» к «Арабескам» и ее «независимая» ценность от них важны и для выяснения корпуса источников географических идей Гоголя. В источниковедческих комментариях к «Мыслям о географии» в «Арабесках» существуют различия, которые можно объяснить разными подходами исследователей. Одни рассматривают статью как в основном педагогическую (С. Н. Киселев, И. А. Виноградов, В. Д. Денисов), другие – как географическую, отражающую общую геоисторическую концепцию писателя (Ю. В. Манн, С. Фуссо, Л. В. Дерюгина). Однако невероятное количество установленных и гипотетических источников заставляет задуматься о том, не рассуждаем ли мы о каком-то фантастическом и, в сущности, невозможном для выполнения замысле Гоголя. Как может быть, что в процессе подготовки статьи для «Литературной газеты» писатель за короткое время (месяц или два) овладел огромным философско-теоретическим материалом на разных языках, смог составить для себя представление о географии, которое предвосхитило географию XX – XXI вв., и написал статью, которая должна быть признана первым на русском языке концептуальным изложением географических идей эпохи романтизма?

Разобраться в отмеченном парадоксальном несоответствии между тем, какое ограниченное время Гоголь мог посвятить изучению указываемых источников, и тем, в каком солидном объеме новая география была представлена в его статье, – одна из задач предлагаемого здесь исследования. В этом случае можно говорить об интеллектуальной интуиции Гоголя, о которой писал и Семенов-Тянь-Шанский, однако она проявилась именно как интеллектуальная – в феноменальном гоголевском чувстве гравитации разрозненных идей, собранных из разных источников и синтезированных до цельной концепции. Чтобы оценить интуицию писателя, следует соотнести выступление Гоголя по вопросам преподавания географии с контекстом географического дискурса в эпоху романтизма – как с местным российским, так и с немецким, в рамках которого вырабатывалась новая парадигма науки. Именно на таком фоне можно понять энтузиазм молодого писателя при открытии для себя совершенно нового горизонта для мыш-

⁸⁷ Статья была подписана «Г. Яновъ». Полная фамилия писателя Гоголь-Яновский.

⁸⁸ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 218–219.

ления о мире и ощутить его мощную синтезирующую мысль, по осколкам воссоздающую теорию науки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.